

Протокол № 9
заседания Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
04 июля 2017 г.

Заседание Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее — АП СПб) проходит по адресу: Санкт-Петербург, пр. Невский, д. 53, с 14:00 час. до 18:00 час.

Присутствовали:

Председательствующий, президент
— Семеняко Е.В.

Члены Совета, вице-президенты АП СПб

— Тенишев В.Ш.
— Панова В.С.
— Тимофеева Т.В.
— Новолодский Ю.М.
— Семеняко М.Е.

Члены Совета АП СПб:

— Голубок С.А.
— Грузд Б.Б.
— Жирнова Н.Н.
— Краузе С.В.
— Качкин Д.В.
— Меркулова Ю.С.
— Савич А.С.
— Филиппов Н.А.
— Туманова И.В.

Секретарь Совета АП СПб:

— Царева Ю.В.

Извлечение

3. Слушали:

О дисциплинарном производстве в отношении адвокатов АП СПб.

Выступили:

Заместитель председателя Квалификационной комиссии АП СПб Шутилкин Ю.Я., члены Совета АП СПб

Докладываем о решениях, принятых Квалификационной комиссией АП СПб по каждому дисциплинарному производству.

3.8. Дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный № 000)

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, рассмотрев материалы дисциплинарного производства, возбужденного 10 апреля 2017 года президентом Адвокатской палаты СПб Семеняко Е.В. в отношении адвоката Адвокатской палаты Санкт-Петербурга М. (регистрационный № 000), осуществляющей адвокатскую деятельность в Коллегии

адвокатов 111 установил:

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. явилось представление и.о. начальника ГУ МЮ РФ по Санкт-Петербургу Д.Ю. Смирнова, поступившее в АП СПб 29.03.2017.

Из представления следует, что адвокат М. осуществляет защиту С. Н.Н. и Б. А.В. – сотрудников «Санкт-Петербургского института независимой экспертизы и оценки». Сообщается, что 25.10.2016 в ходе следственного действия адвокат М. в присутствии понятых и своих доверителей проявляла неуважение к следователю и сотрудникам полиции, участвовавшим в производстве осмотра, позволяла себе оскорбительные выражения, на замечания следователя не реагировала, нарушила процедуру проведения следственного действия, покинув место производства осмотра, после разъяснения следователем сущности проведения осмотра места происшествия требовала от следователя «постановление о производстве осмотра места происшествия», повторяла, что следователь и сотрудники полиции не имеют права присутствовать в указанном месте и изымать какие-либо предметы, а могут только «осмотреть их», обязаны при этом представлять «постановление», после чего заявила, что не даст следователю что-либо изымать и порядок осмотра места происшествия должен быть согласован с ней.

Адвокату были разъяснены и продемонстрированы положения УПК РФ, свидетельствующие о том, что следственное действие проводится в полном соответствии с нормами действующего законодательства. Когда следователь указал, что руководителями организации велось незаконное скрытое наблюдение и аудиозапись, адвокат, вводя доверителя в заблуждение, сообщила, что руководители организации могут у себя в офисе делать все, что угодно, то есть не оказала доверителям качественную квалифицированную помощь, не разъяснила последствия обнаружения и изъятия скрытых видео- и аудиоустройств.

На вопрос доверителя С.Н.Е. о том, почему следователем в ходе осмотра места происшествия изымается ее личный телефон, адвокат М. ответила: «потому, что его хотелка так захотела», проявив, тем самым, неуважение и принижая честь и достоинство должностного лица.

Адвокат М. покинула место производства осмотра, ссылаясь на занятость, вернулась через несколько часов, нарушив, тем самым, процедуру проведения следственного действия и проявив неуважение к сотрудникам полиции и следователю, осуществлявшему осмотр. В Представлении указано, что своими действиями адвокат М. нарушила требования подп.4 п.1 ст.7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», что влечет применение мер дисциплинарной ответственности.

К представлению приложено письмо следователя Н. А.Я., содержащее ту же информацию.

В своем письменном объяснении, представленном в Квалификационную комиссию АП СПб (далее - Комиссия), адвокат М. поясняет, что доводы жалобы и представления изложены неверно и неточно из-за неприязненных отношений между нею и следователем Н. А.Я., причиной чему был выход следователя за пределы своих должностных полномочий. 25.10.2016 адвокат М. присутствовала при проведении следователем Н. А.Я. следственных действий. При этом следователь то утверждал, что производит осмотр, то говорил, что проводит обыск, каких-либо документов, кроме служебного удостоверения, несмотря на соответствующие просьбы, при этом не предъявлял.

Следователь более трех часов запретил пить воду и посетить туалет трем девушкам, никак не отреагировав на просьбы представить документы в обоснование задержания этих девушек и подобных запретов. Доверительнице С. Н.Н. – кормящей матери – было запрещено посещать

туалет, покидать помещение, консультации с адвокатом следователь разрешал лишь в его присутствии. Следователь продержал С. в таком положении с 14:00 до 22:00 часов, не объяснив причину. Приехавший к 13:00 часам Б. А.И. был отпущен также лишь в 22:00 часа, причины его задержания не объяснялись.

Следователю предлагалось представить те документы, что ему нужны, но следователь их не назвал. Следователь запретил консультирование наедине с адвокатом, разрешив это лишь в своем присутствии.

Адвокат М. полагает, что использованные ею слова не являются нецензурными, оскорбительными, неприличными, унижающими достоинство, полагает, что слова вырваны из контекста беседы адвоката с доверительницей, при которой следователь не расслышал весь текст беседы и посчитал, что приведенное им выражение применено в отношении него, что не соответствует действительности.

Адвокат полагает, что следователем фактически производился обыск, несанкционированное изъятие судебных дел у экспертной организации, принудительное и необоснованное задержание граждан на 10:00 часов, запрет на удовлетворение естественных надобностей. Адвокат считает, что именно следователем были нарушены требования действующего законодательства, превышение должностных полномочий, о чем м следователю было сообщено и что вызвало соответствующую реакцию.

Адвокат М. подала следователю замечание на протокол осмотра места происшествия, где указала, что протокол составлен с искажением событий и обстоятельств, указано на запрет консультаций наедине с адвокатом.

К объяснению адвоката приложена письменная благодарность адвокату за оказанное содействие в защите прав доверителей от их нарушений со стороны следователя, в котором также указаны действия следователя, описанные адвокатом М.

На заседании Комиссии адвокат М. подтвердила свою позицию, указав, что все разногласия между ней как защитником и следователем находятся в правовом поле и должны решаться мерами, предусмотренными УПК РФ. Следователь же начал с того, что обычный осмотр проводил в сопровождении большого количества вооруженных сотрудников полиции. Видимо следователь оказался несостоятельным юристом, поскольку после поступивших на него жалоб вместо состязания в суде обратился за поддержкой в ГУ МЮ, предоставив искаженную информацию.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, Комиссия считает установленными следующие фактические обстоятельства:

25.10.2016 в помещении «Санкт-Петербургского института независимой экспертизы и оценки» с 10:15 до 20:13 проводился, согласно ксерокопии «Протокола», осмотр места происшествия. Осмотр проводился в присутствии многочисленных вооруженных сотрудников полиции, психологически обеспечивающих выполнение требований следователя присутствующими при этом лицами.

Анализ указанного Протокола позволяет сделать вывод о многочисленных нарушениях, допущенных следователем при производстве осмотра места происшествия, о его неверном представлении об отсутствии разницы между такими следственными действиями как осмотр, обыск и выемка, и, соответственно, о порядке их проведения и оформления.

Так, в соответствии с ч.6 ст.177 УПК РФ осмотр помещения организации производится в присутствии представителя администрации соответствующей организации. Согласно же Протоколу, следователь запрещает лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом и присутствующим здесь же адвокатом, то есть превышает свои полномочия. Такой запрет возможен только при производстве

обыска. Однако Постановления на производство обыска следователем не выносились (ч.ч.1 и 8 ст.182 УПК РФ). Фактически, следователем произведено незаконное задержание лиц, не подозреваемых в совершении преступления и не присутствующих при производстве обыска, на срок более 10 часов.

В соответствии с ч.ч.2 и 3 ст.177 УПК РФ осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия, и лишь в случае если осмотр требует продолжительного времени или осмотр затруднен, то предметы должны быть изъяты для дальнейшего осмотра. Между тем, как следует из протокола, изымаются предметы, используемые, как считает следователь, для незаконного скрытого наблюдения и прослушивания, то есть как орудия преступления: видеокамеры, видеорегистратор, системные блоки компьютеров, служебные документы. Но такая выемка в соответствии со ст.ст.182 и 183 УПК РФ возможна лишь в рамках обыска, постановления о производстве которого следователем не выносилось. Это же относится и к требованию вскрыть сейф. Более того, следователь незаконно изъясил у присутствующих при осмотре лиц личные средства связи, ежедневники, флэш карты.

Содержание представленного протокола в значительной его части сводится не к описанию места осмотра, а к описанию и комментированию поведения присутствующих при этом лиц, в том числе и адвоката М.

Указанные обстоятельства, по мнению Комиссии, требовали активного вмешательства адвоката в ход следственного действия, что является его профессиональной обязанностью. Поэтому сетования следователя в тексте протокола на якобы чинимые адвокатом помехи его действиям, выглядят как беспомощная попытка «пожаловаться» на процессуального противника, противостоять которому законными процессуальными действиями он не в состоянии.

Позиция адвоката подтверждается представленным ею заявлением сотрудника «Санкт-Петербургского института независимой экспертизы и оценки» С. Д.В., в котором она подтвердила описанное в объяснении адвоката М. и опровергает сообщение о некорректном, неэтичном поведении адвоката М.

Аналогичная точка зрения изложена и в заявлении сотрудника «Санкт-Петербургского института независимой экспертизы и оценки» К. А.И. указано, что она не согласна с содержанием претензий к адвокату М. описаны действия адвоката, направленные на обеспечение прав лиц, участвовавших в следственном действии и присутствовавших при нём, подтверждается неправомерное поведение и требования со стороны работников силовых органов – задержание без объяснения причин, запреты сообщать родственникам о невозможности прийти домой (задержание длилось с 10 до 22 часов) сидеть, пить, пользоваться туалетом, получать консультации адвоката без присутствия следователя, изъятие личного имущества без объяснений причин и без предъявления документов в обоснование своих действий, порчу стационарного оборудования. В заявлении сообщается о том, что адвокат требовал от следователя соблюдения прав присутствовавших лиц, не подтверждает какие-либо неправомерные действия и оскорбительные выражения со стороны адвоката, отмечает, что лишь благодаря настойчивости адвоката люди получили возможность посетить туалет, сидеть, а не стоять, пить воду.

Комиссия отмечает, что отсутствуют доказательства неуважительного отношения адвоката М. к сотрудникам следствия и полиции и совершения ею действий, порочащих адвоката, унижающих достоинство участников следственного действия. Упомянутая в Протоколе фраза адвоката по отношению к следователю: «потому, что его хотелка так захотела», не может рассматриваться как основание для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Во-первых, адвокат отрицает ее произнесение вообще и в отношении следователя, в частности, и не доверяет ему у Комиссии оснований нет.

Во-вторых, хотя слово «хотелка» и можно отнести к жаргонным, однако много-вариантность его толкования не позволяет в данном случае говорить о его оскорбительности, а, скорее, означает «отсутствие законных оснований», что соответствовало производимым следователем действиям.

Таким образом, Комиссия отмечает, что своим «Информационным письмом», адресованным и.о. начальника ГУ МЮ РФ по Санкт-Петербургу Смирнову Д.Ю., следователь-криминалист СО по Фрунзенскому району СПб фактически ввел в заблуждение должностное лицо, сообщив намеренно или по недостатку своей квалификации одностороннюю информацию, искажающую фактические обстоятельства.

На основании изложенного и руководствуясь подп.2 п.9 ст.23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Комиссия пришла к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. в связи с отсутствием в ее действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и кодекса корпоративной этики.

На заседание Совета АП СПб адвокат М. явилась, заявления в письменном виде о несогласии с заключением Квалификационной комиссии АП СПб не представила.

Оценивая обстоятельства дисциплинарного производства, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. (регистрационный № 000) вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса.

Других предложений не поступило.
Ставится вопрос на голосование:

«За» - 15
«Против» - нет
«Воздержались» - нет

Руководствуясь требованиями п. 8 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, на основании подп.9 п.3 ст.31 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга решил:

**прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М.
(регистрационный № 000) на основании подп.2 п.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.**

Председательствующий,
Президент АП СПб Е.В. Семеняко

Секретарь Совета АП СПб

Ю.В. Царева